

Ю.А. Лысенко

Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае (1875–1917 гг.)

Ключевые слова: православие, ислам, миссионерство, казахи, Степной край, миссионерское общество, церковно-школьное строительство.
Key words: Orthodoxy, Islam, Kazakh people, Stepnoy kray, Missionary society, parish schools.

Оренбургская епархия была образована в 1859 г. путем выделения в самостоятельную из Оренбургско-Уфимской и передачи ей приходов Оренбургского, Орского, Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии и Уральской и Тургайской областей Степного генерал-губернаторства. В границах данных административно-территориальных единиц на протяжении столетий проживали и вступали в межкультурное взаимодействие многочисленные народы – казахи, чуваша, мордва, башкиры, татары, исповедующие ислам. Государство на протяжении XVIII – первой половины XIX в. несколько раз меняло вектор религиозной политики в отношении мусульман Оренбургского края, переходя от свободы религиозного вероисповедания к распространению христианства, как составляющей процесса русификации и введения законов, ограничивающих распространение ислама. Однако, несмотря на неоднократно предпринимаемые попытки, здесь до 70-х гг. XIX в. так и не была создана специальная православная миссионерская структура.

Изменения, происходящие в общественно-политической жизни России в 70–80-е гг. XIX в., значительно ускорили процесс создания православных миссионерских организаций среди инородческого населения империи. Не остались в стороне от этого процесса и оренбургские епархиальные власти. Органом, который взял на себя функции по координации миссионерской антиисламской деятельности православной церкви в регионе, стал Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества, созданный в ноябре 1875 г.

Комитет представлял собой общественно-религиозную организацию «открытого типа», членом которой мог стать любой православный. Анализ ежегодных отчетов о деятельности позволяет утверждать, что количество участников Комитета за период его существования с 1875 по 1917 г. постоянно увеличивалось. Так, в 1892 г. в его состав входило 160 человек – 130 духовных лиц и 30 светских. К 1915 г. эта цифра увеличилась до 302 человек [1, л. 19].

Для успешной реализации задач своей деятельности Комитет старался привлечь в свои ряды чиновников и административных работников края. Из

их числа создавалось своеобразное правление Комитета, проводившее регулярные заседания. Например, в 1915 г. членами Комитета являлись: оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска Н.А. Сухомлинов, тургайский губернатор М.М. Эверсман, действительный тайный советник И.Я. Ростовцев, председатель окружного суда тайный советник П.А. Башкиров, ректор Оренбургской семинарии И.П. Кречетов, протоиерей Оренбургского кафедрального собора П.А. Сысуев, директор народных училищ Тургайской области М.П. Ронгинский, епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ протоиерей Ф.И. Бажанов, заведующий пастырской миссионерской школой при Архиерейском доме священник Ф.И. Борнуков, протоиерей Георгиевского войскового собора И.М. Чернявский [1, л. 275]. В зависимости от повестки очередного заседания Комитета составлялся список присутствующих. Все заседания проходили под председательством епископа Оренбургского.

В отличие от аналогичных комитетов, созданных в многочисленных сибирских епархиях империи и проводивших миссионерскую работу среди сектантов, раскольников, язычников и мусульман, Оренбургский комитет предполагал ограничить свою деятельность только «преимущественно утверждением в православной вере местных инородцев» [2, л. 2]. Основные усилия Комитет направил на организацию в Оренбургской епархии «анти-мусульманской» православной миссии. Стартовой площадкой было предложено избрать территорию Тургайской и Уральской областей, населенной кочевниками-казахами. По поручению Комитета в 1892–1893 гг. состоялась поездка в данный регион священника Ф.Д. Соколова, который должен был вынести заключение о своевременности и перспективности открытия миссии.

Отчет Ф. Соколова о поездке стал предметом специального обсуждения на одном из заседаний Комитета, состоявшемся в декабре 1893 г. В нем, в частности, священник сообщал о многочисленных обращениях казахов к местным приходским священникам с просьбой о крещении. Сам Ф. Соколов за время поездки крестил 21 казаха и двух татар. Эти обстоятельства позволили сделать ему вывод о необходимости скорейшего открытия православной миссии в Тургайской степи, потому что с принятием крещения «новообращенный только начинает духовный путь», и открытие миссии «необходимо с целью утверждения его в вере» [2, л. 50б].

Для незамедлительного открытия православной миссии в казахской степи, по мнению Ф. Соколова,

было ещё одно веское обстоятельство. Во время поездки священник наряду с казахскими кочевьями посетил значительное количество заимок, хуторов и поселков русских крестьян-переселенцев. Ему также довелось встречаться с русскими семьями, работающими и постоянно проживающими в казахских аулах.

В этой связи Ф. Соколов сообщал о многочисленных фактах культурной и религиозной аккумуляции русского населения казахским. Одной из причин данного процесса, по его мнению, являлась экономическая зависимость, в которую попадали крестьяне-переселенцы, вынужденные наниматься на работу к зажиточным казахам или арендовать у них земли. Казахи запрещали русским батракам ставить в жилищах «иконы на видное место», «смеялись и даже кощунствовали над жизнью и религиозными обрядами православных и всячески унижали их». В Домбаровской волости Ф. Соколов встретил крайне нуждающуюся семью А. Сухоруковых, которая не знала «ни поста, ни среды, ни пятницы». Внутренний вид её жилища представлял собой «казахский вариант»: «впереди разостлана кошма вместо русских столов и лавок, в углу вмазан киргизский казан (котел) и питаются они по-киргизски похлебкой, сваренной из пшеничной крупы, называемой по-киргизски «коже», а о русском калаче вообще забыли, да и негде его печь за неимением печи русской. ... Икону же по их рассказам ещё во время жизни их у киргиза Батюки в Казан-Басах искололи киргизы. ... когда все семейство Сухоруковых было на пашне» [3, л. 73об.].

Второй причиной процесса культурной и религиозной аккумуляции русского населения края Ф. Соколов считал слабое развитие приходской системы, незначительное количество православных храмов и профессионально подготовленных священников. Таким образом, русские крестьяне не имели возможности в полном объеме удовлетворять свои религиозные потребности. В сложившихся обстоятельствах казахи-мусульмане, по сообщению Ф. Соколова, в религиозно-нравственном отношении стали оказывать ощутимое давление на русских жителей региона. Русские «женщины и девицы, которые по разным причинам принуждены бывают жить в киргизских аулах, ... сожительствуют с киргизами-мухамеданами, а потом переходят в ислам, хотя такие случаи пока единичны» [4, л. 267 об.]. Ф. Соколовым указывались факты незаконного совместного проживания мужчин и женщин, многоженства «по примеру киргиз», незаконного рождения детей, что являлось обычным делом. «Дети, – по свидетельству Ф. Соколова, – растут в полном неведении своей веры родной, но и народности, и совсем окиргизиваются. ... Даже взрослые из них – лет 16–17 не знают молитв и перекреститься не умеют, и крестов и поясов не носят, говорят по-киргизски, в землянках сидят в шапках, и вообще ничем не отличаются от киргизят» [1, л. 20об.–21об.]. В не-

которых аулах Ф. Соколов встречал русских детей, вообще не знающих родного языка, говорящих только на казахском, при этом обучающихся «у мулл, и, конечно, магометанскому вероучению» [2, л. 5].

Информация о религиозно-нравственном положении русских, проживающих в Тургайской степи, представленная в отчете о поездке Ф. Соколовым, вызвала широкий резонанс среди епархиальных властей и членов Оренбургского комитета миссионерского общества. После заслушивания данного отчета на заседании Комитета на него был наложен гриф «секретно».

В ходе обсуждения информации, представленной Ф. Соколовым, члены Комитета признали существование данной проблемы. При этом подчеркивалось, что многие из переселившихся крестьян ещё могут сохранить в себе «русскую народность и веру, как воспитанные внутри России». Для молодого же поколения, воспитывавшегося в инокультурной среде – среди казахов-кочевников, возникло много проблем, в том числе опасность «... окиргизиться, как по языку, так и даже в религиозном отношении». Причиной такого рода опасности являлось, по мнению епархиальных властей, неудовлетворительное состояние церковно-приходского школьного образования в уездах Тургайской области для детей переселенцев, «проживающих в степи среди киргизских аулов и постепенно окиргизивающихся, живя вдали от православных храмов и духовных пастырей и находясь в постоянной материальной зависимости от хозяев земледельцев-киргиз» [5, л. 1].

В этой связи на заседании Комитета подчеркивалась важность организации и вовлечения русских детей в церковно-школьное образование и воспитания их в духе православной системы. Поскольку большинство из них проживало в отдаленных аулах и хуторах, для них предлагалось создавать систему интернатов с полным обеспечением и содержанием их за счет государства. Выпускники таких школ-интернатов могли со временем стать «в степи отличными проводниками христианства в среду киргиз», т.е. сотрудниками православной миссии [5, л. 2].

Таким образом, цель деятельности антиисламской миссии Оренбургской епархии была определена значительно шире, чем это мыслилось первоначально. Наряду с работой, направленной на ограничение влияния ислама и распространение православия среди казахского населения, православные миссионеры должны были способствовать укреплению религиозно-нравственного состояния крестьян-переселенцев, их православной веры и ограждать от влияния исламских проповедников и казахов-мусульман.

В соответствии с целями деятельности Киргизской антиисламской миссии в Тургайской степи в 1897 г. Оренбургским комитетом миссионерского общества были разработаны должностные обязанности её со-

трудников. Первый параграф инструкции обязывал миссионера «делать возможно частые разъезды со словом проповеди, посещая русские заимки и в одиночку разбросанные русские селения по киргизским степям и аулам ... знакомя с истинами веры Христовой и пагубности и ложности мухамеданства». Только во время посещения русских в степи миссионер обязан был при «удобном случае» вступать «в непосредственное общение с киргизами», «сопровождая некоторые святые истории показыванием библейских картин». Таким образом, пропаганда православия среди казахского населения отодвигалась на второй план. Акцент делался на работе среди православного населения края. Общее количество миссионерских поездок по степи в течение года должно было быть не менее пяти. После каждой поездки миссионеры обязаны были предоставлять в Комитет краткий дневник.

Наряду с миссионерскими поездками, согласно Инструкции, служащие Киргизской миссии обязывались способствовать приходскому строительству в крае, организовывать и проводить наблюдение за процессом церковно-приходского школьного строительства, преподавать в школах «сведения о пагубности мухамеданства по определенному перечню книг», организовывать работу миссионерских школ с интернатами при них.

Для поднятия в приходах и станах миссии религиозно-нравственного уровня русских крестьян-переселенцев миссионеры должны были организовывать работу внебогослужебных бесед, обществ трезвости и вечерних классов для взрослых, при каждом стане создавать библиотеку миссионерского и антиисламского содержания [6, л. 7–10].

Деятельность Киргизской миссии в Тургайской области было решено начать с организации в 1893 г. трех миссионерских станов. Первый из них предполагалось открыть в Николаевске (Кустанае), второй в Иргизе и третий – в укреплении Ак-Тюбе [5, л. 47]. На их содержание епархиальные власти приняли решение «отпускать ... по 4470 рублей на содержание причта и по 1000 рублей на пособие новокрещеным казахам» [7, л. 58об.].

По рекомендации Ф. Соколова, административным центром Киргизской миссии Оренбургской епархии был выбран Кустанай, поскольку в городе проживало значительное количество казахов, желающих принять православие, и уже функционировали приют для детей и училище [5, л. 2об.]. Первым начальником Киргизской миссии Тургайской области был назначен священник Одигитриевский, в 1895 г. его на этой должности сменил священник Ф. Соколов, «как знающий киргизский язык» [5].

Кустанайский стан начал работу в 1894 г. Через год его новокрещенные были переселены в Макарьевский поселок, открытый недалеко от Кустаная, поскольку здесь им был представлен в пользование земельный надел. Для более успешного процесса культурной адаптации

жителей поселка, перехода их к оседлому образу жизни и занятию земледелием Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества учредил специальную комиссию, работа которой продолжалась до 1898 г. Комиссия на выделяемые Комитетом средства закупала сельскохозяйственный инвентарь для новокрещенных, строила для них дома, выдавала продукты питания и т.д. При её участии в поселке было организовано местное самоуправление – из числа новокрещенных избран старшина «с правами и обязанностями, указанными общим положением о сельских старостах» [2, л. 35об.]. Общее количество первых жителей Макарьевского стана составило 27 человек. К 1903 г. здесь проживало около 120 крещенных казахов [2, л. 34об.].

В 1897 г. был открыт миссионерский стан в п. Александровский Кустанайского уезда, который возглавил священник Н. Сейфуллин [2, л. 55–56об.]. В 1897 г. начал функционировать третий стан Киргизской миссии Тургайской области в Актюбинске [8, л. 2]. Миссионером нового стана был назначен священник Актюбинской Александро-Невской церкви Арсений Мазохин, в совершенстве владеющий казахским языком и прекрасно знакомый с бытом и нравами казахов-кочевников [2, л. 103об.–106].

В 1900 г. был положительно решен вопрос об открытии стана в Уральской области, миссионером которого был назначен священник Г. Крашенинников [2, л. 228об.]. В 1908 г., в связи с передачей Уральской области из ведения Оренбургской епархии Самарской, Чиликтинский стан вышел из под контроля Оренбургского епархиального комитета православного миссионерского общества.

В 1901 г. Комитет миссионерского общества организовал работу ещё одной антиисламской миссии в Оренбургской епархии за пределами Степного генерал-губернаторства, на территории Оренбургской губернии. Однако открыть удалось только один стан этой миссии – Богодуховский, в пригороде Оренбурга, в Богодуховском монастыре. Целью открытия стана было «поднятие религиозно-нравственного уровня крещеных инородцев (ногайбаков и чуваш)», живущих среди мусульманского населения и «привлечения их в лоно русской гражданственности и культуры на почве православия» [9, л. 13об.–14].

Работа епархиального Комитета по организации работы станов антимусульманских миссий в Оренбургской епархии совпала по времени с массовым переселением крестьян из центральных районов империи. В связи со слабо развитой церковно-приходской системой в крае образованные для новокрещенных станы очень быстро стали смешанными в этническом плане: «...переселенцы-крестьяне при крайней скудности церковей... усиленно стремились селиться при миссионерских церквях» [10, с. 6]. Поэтому большинство священников православной миссии вынуждены были выполнять обязанности приходских

священников, не имея возможности целенаправленно и систематично заниматься антиисламской работой и пропагандой православия среди казахов-кочевников.

В конце XIX в. миссионер Макарьевского стана Оренбургской епархии Г. Крашенинников настаивал на открытии второго штата причта, поскольку со времени образования стана в его состав постепенно вошло и русское население. Теперь приход состоял из поселков Макарьевского, Степановского и Михайловского, с населением общей численностью около 2000 человек. Помимо этого, с просьбами об исполнении треб к миссионеру обращались и жители окрестных заимок, находящихся в степи вдали от поселков. В заведывании миссионера находились также макарьевская миссионерская школа с интернатом, макарьевская женская церковно-приходская школа грамоты и степановская женская церковно-приходская школа, в которой миссионер также был назначен на должность учителя Закона Божьего. Г. Крашенинников подчеркивал, что заведовать Макарьевским Станом, в котором числится «... до 22 семей новокрещеных киргиз» и тем более совершать поездки по окрестным аулам хотя бы один раз в год ему совершенно не остается времени» [2, л. 182об.–183об.].

В создавшейся ситуации епархиальный Комитет миссионерского общества не стремился разделить функции приходских и миссионерских священников для служащих антиисламской миссии. Поскольку одной из задач её деятельности являлось укрепление религиозно-нравственного воспитания крестьян-переселенцев, миссионеров обязывали выполнять и приходские функции [11, с. 284]. Оренбургский комитет миссионерского общества предлагал решать данную проблему путем расширения штата антиисламской миссии за счет привлечения на службу (без материального вознаграждения) новых членов причтов русских поселений, расположенных в казахской степи. Они должны были проповедовать за богослужением,

«при внебогослужебных беседах и чтениях говорить о спасительности христианства и о несостоятельности и пагубной лживости мухамеданства», раздавать брошюры, книги, листы религиозно-нравственного миссионерского содержания на русском и казахском языках, совершать в инородческих приходах богослужение на их родном языке, православных русских и крещенных казахов призывать к тому, «что бы они своею христианскою жизнью, сообразной с высотой христианского учения, привлекали к себе заблудших во тьме невежественных инородцев» [12, л. 52].

Подобная позиция епархиального комитета объективно способствовала смещению акцентов в работе миссионеров Оренбургской епархии и постепенному сведению на нет миссионерской работы среди казахского населения. Свидетельством данного тезиса является тот факт, что успехи миссии в Оренбургской епархии не должны были, по мнению её руководства, измеряться количеством новокрещеных за определенный промежуток времени. Поэтому в своих годовых отчетах о деятельности миссионеры, иногда вообще не указывали точное количество крещений среди инородцев.

Анализ данных таблицы позволяет утверждать, что работа Киргизской миссии среди мусульманского населения, направленная на приобщение его к православной вере не имела значительного успеха. Количество крещений было единичным. Отчеты о деятельности миссионеров не позволяют установить и общее количество крещений миссии за весь период её существования. Большинство новообращенных казахов направлялось миссионерами в специально созданный для них п. Михайловский, где им выдавался земельный участок, жилище и материальное пособие на обустройство хозяйства. Некоторая часть новокрещеных казахов покидала степь и устраивалась на работу на Оренбургско-Ташкентскую железную дорогу.

Таблица 1

Численность новокрещеных Киргизской (Тургайской) миссии Оренбургской епархии*

Годы	Количество новокрещеных, чел.						Всего
	казахи	татары	башкиры	чувашаи	калмыки	евреи	
1893	16	2	–	–	–	–	18
1898	4	1	–	–	–	–	5
1901	12	18	38	–	–	–	68
1903	21	34	16	–	–	–	68
1906	2	2	16	–	–	–	27
1910	1	1	19	–	–	–	29
1913	?	?	?	?	?	?	31
1914	?	?	?	?	?	?	27
1915	7	8	–	1	2	1	19

*Знак «?» обозначает, что в ежегодном отчете о деятельности антимусульманской миссии Оренбургской епархии не указано точное количество крещений данного этноса; знак «–» – отсутствие крещений данного этноса.

Среди жителей Макарьевского поселка, общая численность которых в 1917 г. достигла 250 человек, миссионеры фиксировали успешный процесс русификации «начиная с внешности и кончая укладом религиозно-нравственной жизни» [4, л. 267об.]. Получив земельный надел, большинство их переходили к оседлому образу жизни и занятию земледелием. В их пользовании имелось 53 голов лошадей, 140 голов крупного рогатого скота, 200 голов мелкого рогатого скота, молотилка и сенокосилка [13, с. 314].

Обстановка во всех домах была «вполне русская: в переднем углу в каждом доме божница со святыми иконами, перед которыми обязательно висит лампадка. Все новокрещенные правильно кладут на себя крестное знамение, носят кресты. Перед трапезой или каким-либо делом молятся, знают молитвы» [14, л. 11об.], «вопреки традиционному киргизскому обычаю (в домах. – Ю.Л.) стоят столы и стулья». Почти все молодые новокрещенные казахи, достигнув совершеннолетия, предпочитали жениться на русских девушках. Столь быстрая русификация объяснялась миссионерами совместным проживанием новокрещенных с русским населением, и постоянными контактами между ними [4, л. 267об.].

В то же время, по мнению миссионеров, новокрещенных казахов Макарьевского поселка нельзя было назвать «истинными христианами, строго убежденными в правоте Христовой веры», так как многие из них, особенно новокрещенные первого поколения, не могли «вполне освободиться от прежних обычаев и привычек и воззрений мухамеданов» [15, л. 12]. Подтверждением тезиса о том, что у обращенных не происходило глубокой трансформации не только религиозного, но и этнического самосознания являлся тот факт, что между собой казахи продолжали говорить по-казахски [14, с. 315].

Таким образом, несмотря на затраченные огромные финансовые и людские ресурсы, епархиальному Комитету миссионерского общества Оренбургской епархии не удалось справиться с задачей успешного распространения православия среди казахского населения Тургайской и Уральской областей. Учитывая многочисленные свидетельства миссионеров об общем росте влияния ислама в казахской степи, деятельность Киргизской миссии в этом направлении можно считать неудачной.

В соответствии с поставленными задачами, большое внимание Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества уделял организации церковно-школьного образования в крае и вовлечению в него как казахского, так и русского населения. При создании станом Киргизской миссии Комитет сразу же выделял средства на строительство помещения для школы и определял жалование для учителя. Однако в связи с тем, что многие русские дети проживали в отдаленных хуторах и заимках, а казахские дети – в аулах, они не имели возможности посещать школы.

Поэтому с 1898 г. епархиальный Комитет стал выделять средства на функционирование при миссионерских школах Александровского Макарьевского, Актюбинского, а позже и Чиликтинского станом Киргизской миссии интернатов для мальчиков из семей крестьян, переселившихся в Тургайскую степь, а также казахских детей [8, л. 4].

Обучающиеся в интернатах дети поступали на полное государственное обеспечение. Им бесплатно выдавались одежда и обувь, школьные принадлежности, предоставлялось полное годовое содержание. Обучение велось по программе, утвержденной Синодом для церковно-приходских школ, и четырехгодичной программой для инородческих школ, разработанной Н. Ильминским.

Школьная программа Н. Ильминского, созданная для миссионерских школ, безусловно, была рассчитана на приобщение детей инородцев к русской православной культуре. В пяти миссионерских школах, содержащихся Комитетом православного миссионерского общества, в 1899 г. воспитывалось, как отмечал его председатель епископ Оренбургский, «... в духе православия и русской народности до 250 детей инородцев» [2, л. 173]. В то же время Оренбургский епархиальный Комитет не ставил конкретной задачи привлечения казахских детей и детей других народностей к православной церкви. Основная задача в их воспитании виделась в необходимости «... приучать их к школьной жизни, порядку, примирять вражду к русским, ввиду разноплеменности и разности в вероисповедании» [13, с. 312].

Показателен в этой связи тот факт, что с 1906 г. помощником учителя в интернате Макарьевского стана являлся Таймухаммед Шельдыбаев, окончивший Александровскую миссионерскую школу, но продолжающий оставаться мусульманином [4, л. 291об.]. А в трех аулах Кустанайского уезда – Убаганском, Жанкомышском, Кушербаевском – учителями работали казахи-мусульмане. На уроках Закона Божия присутствие казахских детей было не обязательным. Казахам-мусульманам миссионерских школ взамен Закона Божия преподавались основы ислама. Постоянно расширялась и школьная программа. Наряду с церковными предметами к 1915 г. здесь изучали «элементарные сведения по русской истории, географии, естествознанию» [15, л. 14].

Огромное внимание Комитет уделял формированию библиотечных фондов миссионерских школ. В библиотеке Александровской школы имелась обширная литература для внеклассного чтения – около 80 наименований книг и 90 экземпляров различных журналов, среди которых «Кормчий», «Наставление и утешение», «Православный благовестник», «Русский паломник» [8, л. 6–6об.]. В Актюбинской миссионерской школе в библиотеке имелась учебно-методическая литература, 801 экземпляр учебников,

135 книг для внеклассного чтения. Чиликтинская школьная библиотека состояла из большого количества светских журналов и произведений русских писателей XIX в.

Комитет также тщательно отслеживал санитарно-гигиеническое состояние в миссионерских школах и интернатах при них. При его финансовой поддержке, например, в 1894 г. получила просторное новое здание Макарьевская миссионерская школа, в 1900 г. – Актюбинская миссионерская школа с интернатом [14, л. 16об.]. К январю 1903 г. завершилась постройка школы-интерната в Чиликтинском стане Киргизской миссии Уральской области. Как отмечал учитель школы Г. Ложкин, «школьное здание настолько удобовместительно, что в нем возможно и желательно открыть впоследствии или второклассную миссионерскую

школу или двухклассное миссионерское училище с обучением ремеслам» [9, л. 12].

При организации работы миссионерских школ огромное значение придавалось привлечению к обучению в них казахских детей. По сообщениям миссионеров «... киргизы в значительном количестве, хотя и не принимают христианства, зато в большинстве хорошо сознают пользу обучения русской грамоте...» [15, с. 304]. Более того, для обучения в школах-интернатах не было каких-либо ограничений по религиозному признаку. Показателен в этом плане религиозный состав учащихся Актюбинской миссионерской школы в 1911 г. Из 71 человека 54 являлись православными, 1 – принадлежал к молоканской секте, 16 были мусульманами [14, л. 15об.]. В целом масштабы и характер организации церковно-школьного образования в станах Киргизской миссии представлены в таблице 2.

Таблица 2

Число учащихся миссионерских школ Киргизской миссии, чел.

Уч. год	Стан	Миссионерская школа с интернатом												
		число учащихся в школе							в том числе с проживанием в интернате					
		всего	русские	казахи-мусульмане	крещеные казахи	мордва	чуваши	татары	русские	казахи-мусульмане	крещеные казахи	мордва	чуваши	Татары
1898/99	Александровский	86							11	18			1	1
	Макарьевский	54	32	6	1	15			1	6	1	1		
1899/1900	Макарьевский	71							1	10	1			
	Александровский	96	70	22		3	1							
	Актюбинский	21	13	7				1	13	7				
1902/1903	Макарьевский	40	22	18						18				
	Александровский	107	68	33		5	1			33			1	
	Актюбинский	60	42	18					9	18				
	Чиликтинский	42	26	12			2							
1905/1906	Макарьевский	66	37	24	5					24				
	Александровский	141							3	15		1		
	Актюбинский	96	77	14				2		18				
	Чиликтинский	51	29	21		1			1	21				
1914/15	Макарьевский	92	61	19	12				9		11			
	Актюбинский	71	55	16					4	16				
1915/16	Макарьевский	78	51	17	10				2	17	2			
	Актюбинский	82	64	18					5	15				
1916/17	Макарьевский	45	35	9										
	Актюбинский	83	77	6										

Помимо организации работы миссионерских школ в станах Киргизской миссии и интернатов при них, Комитет развернул широкое церковно-школьное строительство, стараясь охватить им как можно большее количество русских переселенческих хуторов, заимок и поселков. На свои средства он содержал церковно-приходские школы, школы грамоты на отдаленных хуторах и заимках, аульные школы грамоты в кочевьях казахов, башкир и т.д. Если в 1893 г. в его ведении находилось 4 миссионерских и 16 заимковых школ, то в 1902 г. эта система выглядела следующим образом: 4 миссионерские с интернатами, одна аульная – Убаганская, 6 русско-казахских заимковых миссионерских школ с учащимися из казахов и 49 церковно-приходских школ. Учащихся во всех этих школах насчитывалось в общей сложности 1978 человек, из «которых 111 – казахские дети, чуваша, мордва, остальные – русские» [9, л. 1об.–2].

В 1906 г. к их числу добавились 4 чувашские школы грамоты, 18 школ грамоты в ногайбакских селениях [15, с. 299]. В пределах Кустанайского уезда на попечении епархиального комитета миссионерского общества в 1906 г. находилось уже три аульные школы грамоты: Убаганская, Жанкомышская, Кушербаевская, в которых обучалось 24 мальчика-казаха и 12 девочек-казашек [16, с. 317].

Учитывая факт увеличения общей численности школ и количества учащихся в них, находящихся в ведении Оренбургского епархиального комитета, можно утверждать, что в этом направлении им были достигнуты определенные результаты. Однако процесс церковно-школьного строительства, развернувшийся в епархии на рубеже XIX–XX вв., проходил в рамках неоднозначного отношения к нему правящих кругов империи. Дело в том, что в официальном мировоззрении начинало постепенно возводиться в постулат представление о том, что все религии (и особенно монотеистические) образуют единую систему, призванную обеспечить этноконфессиональную стабильность в государстве. Христианские и нехристианские верования стали рассматриваться не как альтернативные, а как своего рода взаимодополняющие друг друга.

При этом, как пишет М.А. Батунский, «в качестве традиционно-фундаментальной ориентации сохранялась четкая аксиологическая дихотомия – культурные/некультурные состояния человеческого бытия. ... критерием для соответствующих оценок все уверенней становился не конфессиональный фактор, а степень приобщенности к категории «просвещенность» (она же – «образованность», «цивилизованность» и т.п.), интерпретируемой всецело в европогенном плане». Естественно в этой связи, что русская христианская (европогенная) цивилизация рассматривалась как модель, единственно приемлемая для приобщения народов империи к состоянию «просвещенности» [17, с. 402].

Учитывая то обстоятельство, что православное миссионерство среди мусульман империи имело ничтожные результаты, просвещение инородцев мыслилось в рамках «невмешательства в духовную и образовательную часть существовавших у туземцев учреждений» и создания альтернативных учебных заведений, подчиненных Министерству народного образования, в которых бы совместно обучались инородцы с русскими детьми.

Первый генерал-губернатор Туркестанского края фон Кауфман подчеркивал в этой связи, что путем народного образования «возможно стало бы выведение из-под контроля ислама казахского населения, путем противопоставления консервативным и реакционным оседлым мусульманам (сартам, татарам, таджикам) прогрессивной русской культуры и образования», а воспитание, основанное не на религиозном различии, позволило бы «детей православных жителей Туркестана и детей мусульман сделать одинаково полезными гражданами России» [17, с. 404–406]. Правительственные круги отдавали предпочтение развитию системы светского школьного образования, которое по темпам и размерам значительно превышало церковно-школьное. Например, в 1865 г., когда была сформирована Оренбургская губерния, в её состав входило три средних, пять неполных средних учебных заведений и 161 начальная школа, в которых обучалось 6,5 тыс. чел. К 1911 г. здесь функционировало уже 16 средних, 9 неполных средних учебных заведений, 1416 начальных школ, с общим количеством учащихся свыше 100 тыс. чел.

Таким образом, миссионерское церковно-школьное строительство, организованное православным комитетом миссионерского общества в Оренбургской епархии, не могло конкурировать со светским образованием, значительно отставало по темпам и количеству охваченных образованием детей. К тому же, как подчеркивали учителя миссионерских школ, большим авторитетом и популярностью у казахского и русского населения пользовались все же народные школы грамоты, поскольку в них курс обучения был продолжительнее, учащиеся приобретали умения и навыки, позволявшие им в дальнейшем продолжить образование в светских высших учебных заведениях. Казахское население неохотно отдавало своих детей в миссионерские школы, опасаясь также, что здесь их будут насильственно обращать в православие.

События первой русской революции 1905–1907 гг. в России, по мнению членов епархиального комитета, крайне отрицательно отразились на работе антиисламских миссий Оренбургской епархии. Экономический кризис, последовавший за революцией, привел к сокращению денежных поступлений для миссии со стороны как Миссионерского общества, так и епархиальных властей. Поэтому впервые прозвучала идея об «упразднении некоторых станом, своим положением наименее отвечающих целям миссии». В результате

в Кустанайском уезде Тургайской области в 1906 г. был закрыт Александровский стан, и, таким образом, вплоть до 1917 г. в составе Киргизской миссии продолжали действовать только два стана – Макарьевский и Актюбинский.

Постреволюционный период характеризовался поиском руководством епархиального комитета миссионерского общества новых методов и форм работы, источников финансирования и т.д. На многочисленных заседаниях Комитета предлагались различные механизмы реанимации миссионерства в казахской степи, в том числе улучшение издательского дела на казахском языке, привлечение казахского населения к работе в миссии, проведение миссионерских съездов и т.д. Например, в 1907 г. Комитетом было принято решение о назначении во все инородческие приходы епархии на должности священников и псаломщиков «природных инородцев» или лиц, в совершенстве владеющих инородческим языком [11, с. 282]. В приходы Тургайской области были назначены священники, знающие казахский язык, которые числились сотрудниками Киргизской миссии. В 1916 г. Комитет предлагал открыть в епархии миссионерский институт с обязательным преподаванием специальных предметов по методике борьбы с исламом, восстановить в Тургайской области Александровский стан, закрытый в 1906 г., увеличить количество бесплатных стипендий при начальных миссионерских училищах [4, л. 271об.–272об.].

Члены Оренбургского епархиального комитета миссионерского общества принимали также активное участие в работе двух региональных миссионерских съездов, состоявшихся в 1910 г. в Казани и Иркутске, которые имели антиисламскую направленность и призваны были обсудить широкий круг вопросов, связанных с организацией и дальнейшим развитием миссионерства в районах проживания мусульманского населения империи.

В рамках Казанского миссионерского съезда работала «Туркестанская секция», на которой с докладом выступал помощник начальника Киргизской миссии Омской епархии иеромонах Феодорит. По итогам его выступления секция приняла ряд постановлений, направленных на разрешение проблем и усовершенствование миссионерской деятельности среди казахского населения. В частности, секция постановила ходатайствовать об «издании общего распоряжения, чтобы крещенным инородцам земля отводилась по сношению с местными епархиальными властями»; о наделении каждого стана миссии землей. Секция также предлагала Синоду решить вопрос о получении «права на получение безвозвратных пособий и ссуд новокрещеным миссий, по сумме равным пособиям, получаемым крестьянами-переселенцами; ходатайствовать перед Православным миссионерским обществом об определении на содержание миссии фиксированных ежегодных сумм» [18, с. 43].

Таким образом, после событий русской революции 1905–1907 гг. духовные власти в лице епархиального комитета миссионерского общества Оренбургской епархии активно обсуждали проблемы миссионерства. Однако предложенный им комплекс мероприятий в конечном итоге так и не был реализован. В частности, не были увеличены и зафиксированы денежные средства на содержание станов Киргизской миссии, не было открыто ни одного нового стана, не была решена проблема наделения новокрещенных земель, не были расширены социальные программы, направленные на поддержание новокрещенных и т.д.

Окончательным ударом для Комитета миссионерского общества Оренбургской епархии стала Первая мировая война и последующие за ней революции 1917 г. в России. Очередное сокращение финансирования привело к закрытию сети миссионерских школ и интернатов при них. В действующих школах ученики вынуждены были приобретать школьные принадлежности за свой счет. Окружной миссионер А. Мазохин выполнял, как сообщали в Отчете за 1917 г. епархиальные власти, свои обязанности «номинально ...не получая от Епархиального Комитета никакого жалования», поэтому в отчетном году миссионер не совершил ни одной поездки в глубь казахской степи [4, л. 264об.–266].

Комитет подчеркивал, что в связи с революционными событиями почти все «мелкие и крупные» национальности России «поспешили заполучить себе не только религиозно-культурную, но и административно-политическую автономию» [4, л. 259]. «В стороне от охватившего всех сепаратистского движения не остались татары, киргизы, башкиры. Все они стали требовать себе самоуправления» [4, л. 257]. Миссионеры свидетельствовали, что народы Оренбургской епархии, особенно татары, были настолько заняты решением политических проблем, в частности, самоопределения, что даже перестали на время заниматься пропагандой ислама среди казахского населения Тургайской области. На запрос противомусульманского миссионера Оренбургской епархии в 1917 г. все священники заявили, что «хотя и настало время свободы для всякого рода агитаций и проповеди, враждебной к православию деятельности не обнаруживается». После Октябрьской революции деятельность Оренбургского епархиального комитета православного миссионерского общества полностью прекратилась.

Таким образом, созданный в 1875 г. Оренбургский епархиальный комитет православного общества призван был организовать миссионерскую работу среди казахского и русского населения края с целью ограничения распространения среди них ислама. Для реализации поставленной цели им была организована работа по созданию антиисламских миссий и церковно-школьному строительству с сетью интернатов. Однако в силу различных обстоятельств деятельность Комитета, в конечном итоге, оказалась неэффективной, а результаты – малоуспешными.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 8.
2. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 5.
3. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. 25. – Оп. 1. – Кн. I. – Д. 1426.
4. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 183 А.
5. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 3.
6. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 12.
7. ГАОрО. – Ф. 173. – Оп. 5. – Д. 10568.
8. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 11А.
9. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 26А.
10. Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // Омские епархиальные ведомости (ОЕВ). – 1899. – №18. – 15 сент.
11. Оренбургские епархиальные ведомости (ОрЕВ). – 1907. – №43. – 25 окт.
12. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 158.
13. ОрЕВ. – 1907. – №45–46. – 15 нояб.
14. ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 153 А.
15. ОрЕВ. – 1907. – №44. – 1 нояб.
16. ОрЕВ. – 1907. – №47. – 22 нояб.
17. Батунский, М.А. Россия и ислам / М.А. Батунский.– М., 2003. – Ч. II.
18. Из постановлений Миссионерского съезда в Казани // ОЕВ. – 1910. – 15 июля. – №14.